

Сун Цинсюй и Тан Хуай вошли в отель днём двадцать седьмого, а вышли — днём двадцать девятого.

К счастью, накануне Тан Хуай, когда выходил за покупками, догадался перегнать машину на парковку у бара. Иначе с сегодняшними шанхайскими пробками ждать такси пришлось бы минимум два часа.

Бабушка Сун Цинсюя, постарев, переехала в пригород — недалеко от базы WS.

Тан Хуай аккуратно припарковал «Гелендваген» у ворот. Сун Цинсюй потянулся к ручке — и его перехватили за запястье.

Эта рука за последние сорок восемь часов касалась его бессчётное количество раз. Он видел, как эта рука уносила его в совершенно другой мир — мир совершенно нового удовольствия.

Сун Цинсюй никогда не подозревал, что человеческие руки могут быть настолько ловкими.

Он мельком глянул на Тан Хуая и отвернулся:

— Чего?

— Даже не попрощаешься? А-Сюй, ты что — попользовался и бросил?

Сун Цинсюй вспыхнул:

— Я же сказал: сегодня — нельзя. А ты утром опять... Если бабушка заметит?

— Если ты так сильно сжимаешь — откуда мне знать, ты против или за?

Сун Цинсюй: ...

Он точно абсолютно бессовестный. Средь бела дня, под ясным небом, произнести такое — и ни капли краски на лице!

— Или я не нашёл правильную точку, и тебе было не так хорошо? Поэтому ты меня наказываешь?

Сун Цинсюй резко втянул воздух и зажал ему рот ладонью:

— Замолчи! Ты себе ногу не сломаешь от такой наглости?!

Горячее дыхание Тан Хуая обдало его ладонь. Сун Цинсюй дёрнулся, попытался убрать руку — но Тан Хуай перехватил её.

— Иди. Завтра утром заеду за тобой, — глухо сказал он. В глазах — улыбка, от которой хотелось утонуть.

Он сжал его руку — и положил обратно ему на колено.

Сун Цинсюй вышел из машины в оцепенении. Стоял и смотрел, пока «Гелендваген» не скрылся из виду. Только тогда повернулся и вошёл во двор.

Калитка скрипнула — и навстречу ему улыбнулась бабушка:

— Сяо Сюй вернулся?

Сун Цинсюй машинально спрятал левую руку за спину и расплылся в улыбке:

— Бабушка, зачем ты на улице стоишь? Холодно же!

Бабушка покачала головой. Улыбка у неё была многозначительная:

— У тебя аж пот на лбу. С чего бы бабушке мёрзнуть?

Что.

По позвоночнику Сун Цинсюя мгновенно стёк ледяной пот. Неужели бабушка что-то видела? Он натужно улыбался, поддакивая, и повёл её внутрь.

В доме были его родители.

Сун Юаньё возился на кухне. Чжао Ханьвэй расставляла свежесрезанные цветы по комнатам.

Оба обернулись на звук шагов. Увидели сына — и ни слова. Тёплое равнодушие.

Бабушка холодно усмехнулась:

— Посторонние люди, не иначе.

Чжао Ханьвэй застыла:

— Мама...

Бабушка погладила руку Сун Цинсюя:

— Сяо Сюй, поднимайся наверх, отдохни. Как ужин будет готов — позову.

Сун Цинсюй бесцветно хмыкнул и пошёл наверх.

Закрыв дверь, посмотрел на левую руку. Жар от чужого прикосновения уже почти растаял — может, из-за того, что комната давно нежилая и выстыла.

Он забрался под одеяло, не раздеваясь, закрыл глаза.

В голове прокручивалась прощальная улыбка Тан Хуая — и ледяные лица родителей. Попеременно, как слайды. Его то бросало в жар, то в холод — словно героя фэнтези, попавшего между небесным огнём и адским льдом.

В восемь вечера бабушка позвала его на новогодний ужин.

Стол ломился от яств: всё что летает, плавает и бежит. Только того, что любил Сун Цинсюй, — не было.

Сун Цинсюй ничем не выдал себя, но внутри холод расплзался по каплям.

Не успел он сесть, как Сун Юаньё хмыкнул:

— Надо же, соизволил явиться. Тебя в интернете полощут, как тряпку, — и ты всё ещё считаешь, что правильно сделал? Мы тебя отпустили играть, чтобы тебя поливали грязью?

Из гостиной доносилась музыка новогоднего гала-концерта. За столом — ледяные лица.

Бабушка вздохнула и накрыла ладонь внука своей.

Тепло. Непрерывное тепло. Одеревеневшие мышцы Сун Цинсюя чуть-чуть разжались. Он бесшумно вдохнул и, не поднимая глаз, ответил:

— Эти люди — пустобрёхи, которые поддакивают любому ветру. Не стоит принимать их всерьёз.

Сун Юаньё ударил по столу:

— То есть, по-твоему, твой отец принял их слова за чистую монету — и у твоего отца проблемы? Сун Цинсуй, когда ты наконец повзрослеешь?! Мы с мамой из последних сил — ради кого?! Ради тебя!

Эту фразу Сун Цинсуй слышал, если не тысячу раз, то восемьсот. Но стоило прокрутить в памяти — он не мог вспомнить ни одного конкретного случая, когда отец для него что-то сделал.

— Я не это имел в виду. И я вас ни о чём не просил, — Сун Цинсуй прямо посмотрел на отца. — К тому же меня вырастила бабушка. Вы к этому, кажется, мало причастны.

Глаза Сун Юаньё налились кровью. Он уже готов был взорваться, но Чжао Ханьвэй схватила его за руку.

— Хватит. Сяо Сюй, папа просто за тебя переживает. Тебя в сети ругают уже на уровне могил предков — тебе бы и о папиных чувствах подумать.

Её лицо тоже было не из приятных.

— Я знаю, ты считаешь, что родители тебе задолжали. Но у нас не было выбора. У тебя — есть. Если ты будешь думать головой, ты сможешь жить хорошо.

— Ваш выбор мечты — это «не было выбора», а я должен принять, что я — та жертва, которой пришлось расплатиться. Но мой выбор мечты — это значит, я не умею думать головой?

Сун Цинсуй криво усмехнулся. В его всегда ярких глазах стоял лёд. Он смотрел на родителей, сидящих напротив, и кончики его пальцев подрагивали.

— Пусть я тупой. Если вам кажется, что все ваши так называемые вложения пропали зря, — давайте посчитаем. Попросите юристов и бухгалтерию «Юаньвэй» вывести сумму: сколько именно я вам должен. Я заплачу.

Он повернулся к бабушке и тихо сказал:

— Прости, бабушка. Нарушил твой покой. Я сыт. Заеду к тебе на днях.

Встал. Задвинул стул. За спиной бушевал Сун Юаньё, отдавала приказы Чжао Ханьвэй.

Он не обернулся.

Дверь закрылась — тихо.

Бабушка посмотрела на стол. Потом неожиданно спросила:

— Вы знаете, какие блюда Сяо Сюй не ест?

Тишина.

— Когда вы начинали бизнес, я вас поддерживала без оговорок. Почему эта поддержка не перешла на следующее поколение? Я старая, мне мозгов не хватает. Помогите мне понять.

Бабушка коснулась палочками рыбы с чесноком в центре стола — знак, что она приняла угощение и благодарит.

— Когда доедите, остатки положите в каменное корыто у ворот. Бродячие кошки и собаки придут.

Голос — медленный, тягучий, полный усталости и печали.

Гала-концерт продолжался. Слезы Чжао Ханьвэй упали в тарелку.

Новогодняя ночь оказалась на удивление тихой и пустой. Сун Цинсуй шёл по улице — как призрак.

Он и сам не до конца понимал, как отношения с родителями дошли до этой точки.

Из глубин памяти всплыло далёкое — ещё до школы. Сун Юаньё строил компанию. Каждый месяц — командировки. Сун Цинсуй жил у бабушки.

В день его рождения родители наконец приехали.

Маленький Сун Цинсуй был счастлив. Он мерил подаренные мамой вещи — одну за другой. Всё было не по размеру, но это были подарки от мамы и папы. Он вырастет — и они будут впору.

Через какое-то время Сун Юаньё вышел ответить на звонок. Вернулся:

— Мне нужно ночью ехать в город S. Оставайся, отпразднуй с ним.

Чжао Ханьвэй нахмурилась:

— Проблемы с заказом? Я поеду с тобой, помогу.

Тревога Сун Цинсюя росла с каждым словом. Он уже понял: его опять бросят. Лицо сморщилось, слёзы хлынули.

Он вцепился в мамину юбку:

— Я поеду с вами! Возьмите меня! Я тоже хочу! Я хочу быть с вами!

Чжао Ханьвэй растерялась:

— Сяо Сюй, будь умницей. Мама с папой поедут зарабатывать денежки, потом купим тебе ещё больше одежды, переедем в большой-большой дом. Хорошо?

Сун Цинсюй мотал головой. Когда он вырастет, ему подойдут эти одежды. И он не хочет большой дом.

Сун Юаньё вдруг сказал:

— Ладно. Поедешь с нами.

Глаза мальчика загорелись:

— Правда?!

— Разве папа врёт? Но мы уезжаем ночью, так что тебе нужно сейчас лечь спать. А то уснёшь в дороге.

Маленький Сун Цинсюй взмахнул кулачком:

— Тогда я прямо сейчас ложусь!

Он улёгся на диван, закрыл глаза — но даже так не выпустил мамину юбку.

— Мама, когда стемнеет, обязательно возьми меня. Я хочу быть с вами.

Чжао Ханьвэй мягко гладила его по спине:

— Хорошо, мама обещает. Мы всегда будем вместе.

Когда он открыл глаза, было утро. Рядом лежала бабушка.

Он вскочил, обежал весь дом — мамы и папы не было.

Его снова оставили.

Тогда маленький Сун Цинсюй решил: мама точно его звала, просто он спал слишком крепко и не проснулся.

Сейчас Сун Цинсюй думал: дети — наивные существа.

Он смотрел на тёплый свет, льющийся из окон соседних вилл, и вдруг понял, что совершил ошибку.

Не надо было приезжать.

Он не мог сказать, что родители, у которых есть амбиции, — неправы. Не мог сказать, что они неправы, ставя свою жизнь на первое место. Каждый человек имеет право любить себя больше.

Значит, ошибался с самого начала только он.

Зная, что будет неловко. Зная, что будет ссора. Зачем приезжать?

Зачем тратить чувства, которых и так мало?

Свет фар мелькнул и уехал. Через несколько секунд — вернулся, машина остановилась рядом.

«Гелендваген» Тан Хуая.

Корпус автомобиля заслонил далёкие, нереальные огни чужих домов. И весь мир сузился до единственного источника света — двух фар.

Дыхание Сун Цинсюя участилось. Он видел, как открылась дверь. Как Тан Хуай в несколько шагов подошёл к нему и присел на корточки.

В его мире снова появился Тан Хуай.

Тан Хуай сжал его запястье, голос — тревожный:

— Ты упал? Где болит? Можешь встать?

Последняя натянутая до предела струна внутри Сун Цинсюя лопнула. Тело потеряло опору и начало заваливаться набок.

Прежде чем его голова коснулась земли, рука Тан Хуая подхватила её.

Тан Хуай смотрел на него сверху вниз. В чёрных зрачках — тревога, смятение.

— Что с тобой?

Сун Цинсюй приоткрыл губы. Ни звука.

Тан Хуай инстинктивно наклонился ближе:

— Что? Громче, я не слышу.

Сун Цинсюй покачал головой. Веки опустились. Молчание.

Тан Хуай понял: дело плохо. Привычным, отточенным движением поднял его на руки и уложил на пассажирское сиденье. Откинул спинку, снял с себя куртку и накрыл его.

Температура была около нуля. Сколько Сун Цинсюй просидел на земле — неизвестно, но его тело было пугающе холодным.

Тан Хуай достал из кармана сливовый леденец, развернул и положил ему в рот.

— Я отвезу тебя в больницу. Если станет совсем плохо — не сдерживайся. Захочешь спать — спи. Проснёшься — и всё будет хорошо.

Он обошёл машину, сел за руль и уже потянулся к ручнику — когда ледяная ладонь легла на его руку.

Хриплый голос Сун Цинсюя:

— Я в порядке. Не в больницу. К тебе домой.

Он знал своё тело. Он не болен. Просто устал — до предела — и хотел тихое, спокойное место, чтобы отдохнуть.

Тан Хуай видел, что он не притворяется, но всё равно не мог успокоиться:

— Давай хотя бы заедем — и сразу домой?

Сун Цинсюй отрезал:

— Нет. Только к тебе. Не согласишься — я сам вызову такси и поеду в гостиницу.

Он уже начал приподниматься. Тан Хуай мягко, но твёрдо уложил его обратно:

— Хорошо. Домой.

<http://bllate.org/book/18105/1736404>